Злая любовь

Автор:
Светлана Бестужева-Лада

Злая любовь

Светлана Игоревна Бестужева-Лада

Две повести о том, как ревность и равнодушие могут убить самые светлые и добрые чувства в людях, любящих друг друга. Или – уже не любящих. А иногда и самого человека.

Злая любовь

Светлана Бестужева-Лада

© Светлана Бестужева-Лада, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Одиль, не уходи!

Не знаю даже, зачем это пишу. Возможно, чтобы испытать еще раз те острые ощущения, которых уже никогда более не испытывал. А возможно… просто так, от старческой тоски и одиночества. У меня ведь никого нет после того, как я своими руками погубил единственную любовь. А возможно для того, чтобы эти страницы объяснили тем, кто будет недоуменно пожимать плечами над моим

бездыханным телом, почему я так поступил.

Сейчас, только достану револьвер, тот самый, ее, и налью себе чего-нибудь выпить. Сейчас…

I

Наконец я привел в исполнение давно обдуманное намерение: обрезал электрические провода, подведенные к беседке в глубине парка. Именно здесь, окутанные ночью и тайной, сливались наши тела, именно здесь, не узнав меня, моя жена стала моей любовницей. Она отдавалась не мне и в эти минуты острых наслаждений была совсем не такой, какой я ее знал. Но главным было то, что я все-таки овладел ею.

Это невероятно, но мне пришлось стать тайным любовником собственной жены, хотя совсем недавно мне это и в голову бы не пришло. Более того: я человек, в принципе лишенный воображения. Но обстоятельства сложились так, что кто-то неизбежно занял бы это место. И я предпочел сделать это сам.

Меня зовут Рене Бюсси, в то время мне было тридцать пять лет, и за двенадцать лет до этого я получил диплом инженера. Подчеркиваю свою профессию, чтобы подтвердить: воображение при ней излишне. И тем не менее…

Я был тогда директором крупной каучковой компании с офисом в центре Парижа, а наше основное предприятие располагалось на западной окраине, недалеко от Версаля. И жил я на территории, принадлежавшей компании, в двенадцатикомнатном особняке, спрятанном в глубине большого парка. Чтобы попасть на завод, мне достаточно было пересечь сначала парк, а затем пройти метров триста через небольшой лесок, вплотную примыкавший к заводу. Вот основное описание места действия, а детали я добавлю по ходу рассказа.

В то утро, против своего обыкновения, я не поехал в офис, а отправился на завод, проводить совещание с руководителями. И это стало причиной всех последовавших событий.

Тема совещания была исчерпана раньше, чем предполагалось. Было всего одиннадцать часов утра, когда я в самом безмятежном настроении возвращался в свой особняк. Я пытался думать о важных вещах: биржевых котировках, международном положении, но весенний воздух делал меня рассеянным, отвлекал мысли на всякие пустяки, кружил голову свежими и чистыми ароматами.

Я вышел из леса и вошел в парк. Отчетливо помню, что в этот момент пытался думать о проблеме замены импортного сырья синтетическим каучуком. И вдруг я увидел картину, которая в один момент изменила все мои мысли. Метрах в ста от меня, спиной ко мне, стояла женщина и засовывала руку в дупло огромного столетнего дуба. Хрупкий и грациозный силуэт моей жены был ярко освещен весенним солнцем. Она вытащила из дупла конверт, а вместо него положила другой, который вынула из кармана своего элегантного утреннего туалета.

Я резко остановился, но уже секунду спустя рефлекс заставил меня броситься прочь из аллеи, чтобы ни в коем случае не быть замеченным. Сердце мое стучало, как бешенное, дыхание чуть ли не прерывалось, но мне казалось, будто все это происходит не со мной, а с кем-то другим. Больше всего мне хотелось догнать жену и отобрать у нее конверт. Но я остался стоять на месте.

Могут сказать: Боже, все та же вечная тема адьюльтера! Ну и что тут особенного? Немного терпения и все станет ясно.

Я женился на Одиль семь лет назад, когда ей было лет. Ее нельзя было назвать ни красивой, ни даже хорошенькой, но в ней была какая-то удивительная грация, освещавшая подлинной красотой все ее жесты и поступки. Невероятно пикантным было и сочетание ее цветущего женского тела и абсолютно невинного девичьего лица. Да, тело двадцатисемилетней женщины и лицо девушки, еще вчера бывшей девственницей. Я часто замечал во взглядах мужчин на Одиль жесткую и неистовую молнию вожделения.

В течении семи лет я был хорошим мужем, по крайней мере, считал себя таковым, поскольку удовлетворял малейшие капризы своей жены. Я хранил ей верность, если не считать пары мимолетных интрижек во время деловых командировок на Восток или в США. Для мужчины такие приключения не имеют значения. Правда, я не слишком темпераментен. Что же касается Одиль, то она казалась настолько равнодушной к сексу, что мы иногда не прикасались друг к другу по несколько месяцев. Я вообще считал свою жену фригидной, пока

совершенно случайно не обнаружил в ее теле другую женщину.

Я ждал, чтобы Одиль ушла из парка, но она не торопилась и прошли долгие минуты, пока она, наконец, не скрылась за поворотом аллеи и не исчезла из поля моего зрения. Повторяю: я мог бы получить оба письма – то, что она уносила с собой, и то, что осталось в дупле дуба, – но что-то меня от этого удерживало. Сейчас я думаю, что это был просто перст Судьбы. Поступи я тогда, как любой здравомыслящий человек, моя жизнь сложилась бы совершенно иначе.

Я развернул газету и двинулся по аллее к дубу, делая вид, что увлечен чтением. Шел я нарочито медленно, бессознательно оттягивая время, чтобы исключить малейший риск. Несколько раз я останавливался, оглядывался вокруг и снова шел к своей цели.

Казалось бы, как просто: подойти к дубу, запустить руку в дупло, вынуть конверт. И все же мне потребовалось на это несколько долгих минут, навсегда запечатлевшихся в моей памяти. Конверт был заклеен очень небрежно, я без труда открыл его. Там лежал листок с одной только фразой, отпечатанной на машинке: «Я принимаю вызов».

Тут же у меня возникло множество вопросов. С кем начала переписку Одиль? Когда? О каком вызове идет речь? Перебрав все возможные варианты, я решил, что любовнику нет необходимости прятать письмо в дупло, тем более для того, чтобы получить такой ответ. Но тут же подумал, что логика и любовь не имеют между собой ничего общего, и что такой романтический способ переписки – очень удачный ход, чтобы соблазнить женщину.

Я торопливо заклеил конверт и положил его на место, а затем направился домой, перебирая всех знакомых мне людей, которые имели доступ в наш парк. Мишель Бомон? Нет, он слищком влюблен в свою собственную жену. Малыш Рафаэлло? Слишком незначительная личность! Лаборд? Рассеянный поэт, живущий в мире грез. Фервекс? Слишком стар. Был также еще Демонжо, которого я взял к себе в качестве инженера. Мы были с ним из одного выпуска, я испытывал к нему теплые дружеские чувства и до сегодняшнего дня считал, что это – взаимно. Два-три раза в месяц я приглашал его к обеду и он шел от завода к моему дому именно этой аллеей. Жаль, что я не пригласил его сегодня: можно было бы спрятаться неподалеку от дуба и проследить, подойдет ли он к дуплу…

На сердце у меня было невыносимо тяжело, потому что я понял: это мог быть только он, Демонжо. Я вспомнил, что заставал его у себя в доме и в те дни, когда не приглашал, но не придавал тогда этому никакого значения. Иногда он приносил книги, о которых его просила Одиль, иногда был четвертым игроком в бридже, а иногда я и не спрашивал о причине его визита.

Мне понадобилось в два раза больше времени, чем обычно, чтобы пройти через парк. Меня мучило желание остаться и подстеречь того, кто придет за посланием, застигнуть его в тот момент, когда он будет вынимать его из тайника и потребовать объяснений. Но я понимал, насколько бессмысленно это желание: он мог прийти слишком поздно или вообще сегодня не прийти. К тому же я был уверен, что даже застигнутый врасплох, он скажет мне правду. А мне была нужна именно правда.

Мысль о том, что это может быть кто-то еще, а не Демонжо, даже не пришла мне в голову.

Придя домой, я тут же заперся в своем кабинете. Ясно, конечно, что я не занимался никакими делами, а просто мерил шагами комнату, обдумывая способ заполучить письмо, которое было у Одиль.

Обычно мы обедаем в час дня. Мне потребовалось сделать над собой невероятное усилие, чтобы не спуститься вниз раньше времени. Наконец, я вошел в столовую, где уже была моя жена. Я решил играть свою роль до конца и поцеловал Одиль, как это делал всегда. Но мне показалось, что ее ответный поцелуй был явно рассеянным, хотя это могло быть и игрой моего разгоряченного воображения.

Она пригласила к обеду свою мать и тем самым избавила меня от трапезы с глазу на глаз, которая могла бы стать для меня слишком большим испытанием в этот день. Во время обеда Одиль была (или казалась?) веселой, оживленной, остроумной. Меня же грызли тревога и нетерпение и во время десерта я под предлогом срочного делового звонка на несколько минут покинул столовую и отправился на второй этаж, чтобы заглянуть в сумочку Одиль. Ее не было ни в будуаре, ни в спальне, я нашел ее в ванной комнате, но – без письма.

Я уже почти захлопнул сумочку, когда заметил в ее глубине, в кармашке, маленький ключ – от секретера Одиль. Конечно, именно там она и должна

хранить свою корреспонденцию! Я схватил ключ, вернулся в будуар и отпер секретер, а потом положил ключ в сумочку на прежнее место, а саму сумочку – в ванную комнату, где она и находилась до этого. Если мне чуть-чуть повезет, Одиль ничего не заметит. В крайнем случае, решит, что забыла запереть секретер или плохо его заперла. Мне страстно хотелось заняться поисками письма, но я не хотел привлекать к себе внимание слишким долгим отсутствием.

Я вернулся и застал Одиль и ее мать за составлением списка покупок, которые они собирались сделать во второй половине дня. Я любезно предложил отвезти их в Париж на машине, но при условии, что мы выедем не позже половины третьего, так как в три часа у меня в офисе назначена важная встреча с клиентом из Филадельфии. Но дамы в один голос заявили, что ни за что не успеют собраться к этому часу и вовсе не хотят заставлять меня их ждать. Впрочем, вокзал находился в трехстах метрах от нашего дома и поезда до Монпарнаса ходили каждый час.

II

Таким образом, я уехал один и вскоре оказался в своем офисе на улице Комартен. Никакой встречи у меня не было, я выдумал ее, чтобы обеспечить себе побольше времени на поиски письма в секретере Одиль, пока она с матерью будет занята покупками в Париже. Я подписал несколько срочных бумаг и вышел на улицу. Служащие раскланивались со мной, но я их почти не замечал, так как мысленно находился не здесь, а у себя дома, в будуаре Одиль. Меня беспокоило только одно: найду ли я секретер по-прежнему отпертым?

Я вернулся домой около четырех часов, вызвав удивление у служанки. Я вошел в свой кабинет, но тут же вышел и послал служанку купить мне сигарет, которые якобы кончились. Этим я обеспечил себе верные четверть часа одиночества, так как муж служанки в это время обычно был занят работой в саду.

Я бросился в будуар к секретеру. Он открылся! Что я чувствовал в этот момент? Не помню. С тех пор я пережил и перечувствовал столько невероятных ощущений, что то – первое – испарилось из моей памяти.

Я погрузил руки в беспорядочную груду писем, счетов, фотографий. Я искал конверт, который видел утром в руках у своей жены. Ничего! Но в глубине одного из ящика под каким-то журналом я обнаружил стопку писем. Без дат, без подписи, некоторые занимали целый лист, другие содержали лишь несколько строчек. Но все они были напечатаны на машинке, причем на одной и той же: одна из букв была напечатана ярче других, а еще одна – подпрыгивала вверх.

С бьющимся сердцем я отнес их в свой кабинет и принялся читать. Наконец-то я все узнаю!

«Я уверен, что завтра вы придете за этим письмом к тайнику, который я вам только что показал. Напрасно вы качаете головой и иронично прищуриваетесь: я знаю, что вы придете. Все женщины любопытны, это их слабость. И я рассчитываю именно на нее.

Вспомните: всего несколько часов тому назад я осмелился сказать вам:

– Я вас не люблю, я вас хочу. Я слежу за колебаниями складок вашего платья и представляю себе под ним ваше тело. Только ваше тело я хочу. И получу его.

Вы сделали вид, что оскорбились, но это было лишь маской. Вы были удивлены, даже поражены: чтобы овладеть женщиной мужчины всегда начинают с разговоров о любви. Я же хочу овладеть вами без этих условностей. Именно это я вам и сказал.

Сейчас у меня только одно желание – обладать вами. В этой битве, в которой мы отныне становимся противниками, мой девиз «ДА», ваш – «НЕТ». Кто же уступит? Я вам уже сказал в парке, что уступите вы.

Хочу напомнить вашу мимолетную насмешливую гримаску – первую реакцию на мои слова. Да, вы были шокированы такой дерзостью. Если быть правдивым, я тоже. Я не узнавал самого себя, за меня словно говорил какой-то другой человек. Вы же несколько секунд колебались: ответить или промолчать. Потом решили заговорить, но тщательно подбирали как можно более нейтральные слова. В общем, прошло не меньше десяти секунд, прежде чем вы, приняв решительный вид, заявили мне:

– Понимаю, что ваш опыт общения с женщинами позволяет вам абсолютно не считаться с их собственными желаниями. Или это самодовольство, или я что-то не понимаю…

Моя самонадеянность, между тем, была всего лишь уловкой, которая сработала. Доказательства? Я ведь только что говорил вам, чтоожидаю долгого сопротивления, которое, впрочем, только усилит наслаждение от достижения мною цели. Вы презрительно пожали плечами, как бы желая сказать, что срок тут определить невозможно.

Почему после такого начала между нами возникло долгое молчание, не знаю. Но вдруг вы подняли голову и спросили меня:

– Ну, и о чем вы сейчас думаете, укротитель женщин?

А я думал о ваших ножках. Все мужчины думают о женских ножках, но не смеют в этом признаться. А я решил говорить искренне о том, чего не видел. Еще не видел у вас. Не трогал, не целовал, не ласкал. Но если верить очертаниям платья, ваши ножки безукоризненно стройны. А какая у вас кожа? Безусловно, нежная, как атлас – стоит только дотронуться до вашего запястья, чтобы понять это. А пушистый треугольник внизу вашего живота, какого он цвета? Вы ведь натуральная блондинка, правда? Остается только убедиться в этом самому – и вот это и будет моим призом, моей конечной целью. Я ворвусь в вашу крепость и докажу вам, что прекрасная статуя, которую вы изображаете, н самом деле – живая женщина. Когда же вы захотите ожить?

Все это я говорил вам, пока мы шли через парк, а сам украдкой наблюдал за вами. Два-три раза я заметил, как блеснули ваши глаза. Что-то вас тронуло: мрамор становился теплее. Видите, я честен и ничего от вас не скрываю. Это вы пытались скрыть смех, когда сказали:

– Действительно, первый раз в жизни… Не говорите больше ничего, нас могут услышать…

– Действительно, об этом лучше написать, – ответил я.

Мы шли по аллее, на которой стояло огромное дерево с большим дуплом.

– Вот то место, куда я буду приносить свои письма, – сказал я.

– Способ, конечно, романтичный… Но содержание писем… Нет!

Конечно, нет, вы абсолютно правы. Но вот первая записка. Придете вы за ней? Не придете?

ВЫ ПРИДЕТЕ»

Вы пришли. Я это предвидел. Но что вас на это толкнуло? Чтобы не испугать вас, спишем все на обыкновенное любопытство. Но ведь есть и еще какие-то причины, правда?

Сколько раз вы прочли мое письмо? В тот день, когда вы мне это скажете, я буду близок к тому, чтобы овладеть вами. Любопытно, я ведь представлял себе, как вы будете смущены, когда мы встретились три дня спустя. Правда, мы были не одни. Два-три раза наши взгляды встретились. В первый раз вы тут же отвели глаза, чтобы немедленно бросить на меня взгляд украдкой. Я выиграл первое очко! Второй ваш взгляд был гораздо спокойнее, словно вы все забыли. Очко за вами! Третий взгляд вы бросили на меня из-под ресниц, тогда я склонился к вашему ушку и тихо сказал:

– Почтальон придет сегодня вечером.

На вашем лице не дрогнул ни единый мускул. Браво, вы выиграли второе очко! Это обещает безумное наслаждение нам обоим в тот момент, когда я впервые овладею вами.

Я не должен так исступленно мечтать о вас. Это отбивает у меня вкус к другим женщинам. Я смотрю только на вас. Возможно, это потому, что я еще ни разу не видел вас обнаженной. Только что, когда вы сидели в кресле, из-под вашего платья выглянул маленький краешек кружева. А я думал о том, что в нескольких десятках сантиметров выше этого невинного кусочка ткани – самый центр женского тела, крутой изгиб бедер и на них трусики, которые я когда-нибудь сниму с вас… Когда это произойдет? Когда-нибудь. А может быть, никогда. Но, безусловно, скоро. Я знаю вам цену и от этого лишь сильнее желаю вас.

Кстати! Ваш муж никогда не был вашим любовником. Откуда я это знаю? Какая разница! Знаю, это главное. Тем острее будут ощущения, которые вы со мной испытаете. Без лицемерия любви, этой ханжеской выдумки средних веков. Ах, какое прекрасное приключение!

И последнее. Почтальон будет приходить к старому дубу каждый вторник и каждую пятницу, с наступлением ночи. Забирайте вашу почту по утрам в среду и субботу.»

III

«Ну, как наши дела? Смутил ли я ваш покой? Ваши груди еще не твердеют от желания? Какие они? Маленькие, упругие. С очень нежными сосками? Рассмотрю их в следующий раз более пристально, через платье, конечно. Ткань еще долго будет присутствовать между нашими телами. Потому что цивилизация посчитала лучшим способом возбудить желание к женщине – это одновременно оградить ее от наших желаний. В отношениях между полами существует чудовищное ханжество. Это – хорошо, а это – отвратительно. Это – прилично, это – непристойно. Можно говорить о лбе, губах, ручках, волосах, но ни в коем случае – о бедрах или животе. Какое идиотство!

Мне хотелось бы знать, какое впечатление производят на вас мои письма. Конечно, вы мне этого не скажете. Однако, можно ведь задавать вопросы по-разному, да и отвечать тоже. Если мои письма вам нравятся – приколите красную гвоздику на платье к нашей следующей встрече. Если письма слишком дерзки, пусть гвоздика будет белой. А если вы считаете их недостаточно смелыми… что ж, тогда нужны две красные гвоздики.

Прошлую ночь я видел вас во сне. Самое интересное заключается в том, что, желая вас завоевать, я запутался в собственных уловках так, что стал рабом своего же колдовства. Я тут же применил самое верное средство против этого: сегодня я спал с другой женщиной. Но, кажется, называл ее Одилью.»

IV

«Ни белой гвоздики, ни красной… Зато какая хитрая улыбка на губах! Это была семидесятилетняя почтенная дама, уже давно вышедшая в тираж, которая кокетливо выставляла напоказ обе гвоздики. И знаете ли вы, кто ее так украсил незадолго до моего прихода? Вы!

Вы в тысячу раз более желанны для меня в своей жестокой насмешке, чем в слишком быстрой капитуляции. Скажу еще одну вещь, которая вас удивит: я безумно хочу вас, но был бы страшно разочарован, если бы добился желаемого раньше срока. Какого срока? Инстинкт мне подскажет. Только дикари стремятся к немедленному удовлетворению своих желаний, получая лишь крохи животного удовольствия и лишая себя подлинного наслаждения. У них остается лишь пепел чувств и безвкусный осадок воспоминаний.

Нет, ждать, готовить, подстерегать, говорить себе, что день за днем, письмо за письмом мы незаметно становимся все ближе друг к другу, что больше нет ни единого интимного дела в вашей жизни, включая ваш тайный туалет, где бы ваша мысль не была захвачена мною… Вот так, как если бы я внезапно открыл вашу дверь, запертую на задвижку, в самый неожиданный момент. Кто бы мог подумать еще три недели тому назад, что я буду так разговаривать с вами?

Кстати, овладевал ли вами ваш муж хоть раз с того времени, как мы устроили в дупле почтовое отделение до востребования? И если да, то думали ли вы в это время, что это я овладеваю вами? Не захотелось ли вам хоть на мгновение, чтобы именно так и было? Я не жду ответа на мой вопрос, для меня главное – его задать. Когда-нибудь наступит момент, муж обрушит на вас тяжесть своего тела. А вы вообразите, что это – мое тело. Я самонадеян? Не думаю. Возможно, для вас это и будет единственным моментом острого наслаждения, а ваш муж никогда не узнает, кому он этим обязан. Кстати, вы кричите в самозабвении? В конце-концов я узнаю все еще до того, как хорошо узнаю вас.»

V

«Счастливый случай свел нас с вами вчера вечером в Париже. Хотя, если честно, никакой случайности не было: я отлично знал, что вы будете в три часа на вокзале Монпарнас. Мне показалось, что вы несколько удивились, увидев меня, но… к вашему платью были приколоты две красные гвоздики. Это – ответ на мои вопросы? Нет, конечно, встреча же была случайной!

Признайтесь, мне хватило такта не настаивать на честном ответе. Но это, тем не менее, меняло дело. Я один, когда пишу эти строки, вы – одна, когда их читаете. Между нами нет ханжества, преград, фальши. А значит, сейчас мы гораздо ближе друг другу, чем были вчера в Париже.

Мы сидели на террассе какого-то кафе и я рассыпался в комплиментах вашему платью, поскольку не мог делать комплименты тому, что под ним. Мои глаза все время прослеживали красивый изгиб ваших ног, изящно скрещенных под платьем. Мне почудилось, или мой настойчивый взгляд все-таки вызвал краску на ваших щеках и легкий трепет век. Я заметил круги под вашими глазами и некоторую влажность во взгляде. Быть может, я ближе к цели, чем думаю?

Должен признать, что вы почти сразу пришли в себя и тут же применили ваше самое убийственное оружие: насмешку. С дерзким смехом вы спросили меня:

– А что вы испытываете, когда пишете ваши письма?

Я предпочел ответить вопросом на вопрос:

– А что испытываете вы, читая их?

Мне показалось или по вашему телу прошла легкая дрожь, как будто ветер пробежал по верхушкам деревьев.

Вы уронили носовой платок. Я поднял его и позволил себе слегка позабавиться, коснувшись вашего чулка у самого края платья. Знаю, это мелочь, но это – еще один шаг на долгом пути к осуществлению моего плана, часть общего целого: жестов, поведения, каких-то намеков, слов… Это заставит вас соскользнуть в чувство, которое я стремлюсь в вас вызвать: вы захотите меня.

Знаю, вы считаете себя совершенно застрахованной от подобного исхода, думаете, что сможете легко совладать со своим телом, в котором, возможно, уже пробудились какие-то ощущения, остаться мраморно-холодной. Уверен, что сегодня вам это действительно удастся. И завтра – тоже. Но через месяц… Согласитесь, нужно быть незаурядным игроком, чтобы указывать противнику на подстерегающие его опасности. Из чувств признательности, поведайте мне о ваших слабых местах.

Что вы еще вчера такого сказали? Ах, да, поздравили меня с новой любовницей.

– И вы не ревнуете? – со смехом спросил я.

– Ни капельки, – покачали вы головой.

И попросили – для развлечения – рассказать мне все об этой связи. Дать полный аналитический отчет. Чтобы сделать вам приятное, я рассказываю все, без утайки и без хвастовства.

Ее зовут… В общем, я зову ее Одилью. Когда она спросила меня, почему я так ее называю, то я ответил, что она похожа на героиню фильма, который так и называется: «Одиль». По-моему, это ей польстило, хотя на самом деле фильм – это то, что происходит между мной и вами. Развязка его мне еще не известна.

Но вернемся к моей новой любовнице. Она блондинка, как и вы. Но когда она оказалась обнаженной, то выяснилось, что на самом-то деле она брюнетка. А вы? Ну и темперамент у этой Одиль номер два! Ничего общего с вашей повелительной холодностью. Но это неважно.

Вы знаете, что размеры мужчин и женщин, то есть номер ботинка или перчатки, длину носа или рост считается вполне приличным прилюдно обсуждать. Что же касается интимных размеров… Боже сохрани заговорить об этом в обществе! Но вам я открою маленькую тайну: размеры интимного места женщины определяются по размеру ее ножки. Нога моей любовницы тридцать шестого размера, а лоно, я знаю, примерно сорокового. Правда, достаточно просторно? А как с этим обстоит у вас?»

VI

«Какое любопытное у нас приключение! Надеюсь посетить вас вновь завтра вечером, чтобы посчитать ваш пульс. А до этого ограничусь этими несколькими строчками с единственной целью доказать вам, что вы жалеете, что сегодня не услышали большего.»

VII

Прекрасно! Вы сказали мне:

– Вы меня разочаровали! Больше не приходите.

Вы улыбались, говоря это, потом рассмеялись. И все-таки вы это сказали. Смех и улыбка были только маской.

Ваш муж считает меня мечтателем и поэтом, неспособным ориентироваться в реальной жизни. Признайте, что я способен на большее: внести мечту в реальную жизнь.

– А как там ваш сороковой размер? – непринужденно спросили вы меня позже, когда мы играли в бридж.

Я вместо ответа спросил, какой размер мне следовало бы вообразить себе, если бы захотел с точностью представить…

По правде говоря, я надеялся смутить вас. Но вы совершенно непринужденно ответили:

– Вы ведь уже определились с размером, как мне казалось.

К нам подошла одна из гостей, старая дама, и сделала вам комплимент:

– Мое дорогое дитя, я весь вечер наблюдаю за вами. Сегодня вы очаровательнее, чем обычно. Лицо мадонны со средневековой картины…

Тогда вы ребяческим жестом указали на меня и ответили:

– Дорогая мадам, я вполне заслуживаю этот комплимент. Сегодня я весь вечер слушала дьявола.»

VIII

«Дьявол хочет отныне говорить тебе „ты“. В письмах, разумеется. Ты… Это похоже на то, как если бы я ласкал твои ноги. С твоего согласия.»

IX

«Никакой реакции на мое «ты». Значит, принято. Молчание – знак согласия. Таким образом мне разрешено ласкать твои ноги, увы, пока только мысленно. Но это отличный способ заставить тебя перейти непосредственно к прелюдии того, что неизбежно произойдет.

В глубине твоего парка я сделал великолепное открытие. Окруженная деревьями и зеленью, скрытая от глаз беседка – воплощенное очарование уединения. Одна маленькая комнатка, куда с земли ведет лестница из четырех ступенек. Два окна: одно выходит в парк, другое – в лес. Таким образом, если оставить открытым окно в лес, я мог бы приходить на наши свидания без всякого риска. Да-да, уже пришло время подумать о наших свиданиях. С наступлением темноты ничто не может помешать тебе пойти погулять по парку, зайти в эту беседку…

Там только железный стол и стул. Один стул на двоих. Ничего из тех удобств, которыми обычно располагают любовники. Но ты не моя любовница и неизвестно еще, придешь ли ты на свидание. О! Куда нам торопиться! Сначала мне нужно приучить тебя к этой мысли. Ты прогуливаешься в парке, когда стемнеет. Ты

случайно оказываешься перед беседкой, поднимаешься по ступенькам, толкаешь дверь и входишь. Внутри – полная темнота. А я уже притаился там, в углу, готовый жадно схватить тебя, когда ты окажешься рядом. Ты задрожишь от испуга и от прилива желания. А знаешь ли ты, что схватят мои руки? Да, ты знаешь это. И в тот же миг твое благоразумие пересилит искушение.»

X

«Ты придешь? Поскольку ты уверена в своем благоразумии, почему бы тебе не прийти? Я не перейду границ, которые ты определишь, если только ты сама не попросишь меня об этом, как только мы окажемся вместе. Я очень рассчитываю на что-то коварное и магическое, разлитое в ночном воздухе. И простое прикосновение моей руки к твоему платью бросит тебя в пароксизм неизвестных тебе ощущений.

Ты придешь?»

XI

Прошлым вечером, когда я принес письмо, я вошел в беседку. Я представил себе место, где буду тебя ждать. Куда ты приблизишься и где я схвачу тебя за ногу. Я услышал долгий, жалобный стон, твой стон, в то время как ноги твои инстинктивно сомкнулись в тысячелетнем жесте защиты. Мое распаленное воображение донесло до меня даже запах твоего тела, интимный и острый аромат, усиленный желанием. Так пахнут растения после дождя. О чем я мечтал в тот вечер? Упасть на колени перед тобой и целовать твое тело на уровне моих губ. Ты догадываешься, о чем я? Ты придешь?

XII

Зачем это скрывать? Ты пришла. Но меня там не было, потому что еще не стемнело. Но ты все-таки пришла, я знал, что так будет. Как я догадался? Ты передвинула стул. Для чего? Посидеть, потому что тебя занимала мысль о том, что однажды ночью ты и я в этом месте… Ты уже представила себе угол, где я буду находиться, ожидая твоего прихода, затем твое приближение ко мне и дрожь твоего тела, когда его коснутся мои руки. Так ведь? Я могу себе представить, что в эти мгновения твое лицо исказилось так, как оно искажается в экстазе. Но может быть, все произойдет иначе? Главное, чтобы ты пришла ночью, раз ты уже приходила днем.

XIII

Ты не отрицала своего дневного прихода. Но когда я спросил, придешь ли ты ночью, ты мне не ответила. Мы стояли лицом к лицу и смотрели прямо в глаза друг другу. Мое лицо приблизилось к твоему: я хотел внушить тебе свою волю. И вдруг я тебя поцеловал. Яростно, страстно. И тогда на несколько секунд твои глаза закрылись – это было чудом. И лицо твое исказилось именно так, как я себе воображал, это было тем более потрясающе, что твое лицо – ты это знаешь! – это лицо девственницы, что еще больше возбудило меня. Твои глаза закрылись и я почувствовал, как ты прижалась ко мне, почувствовал твой живот, почувствовал твое желание. Твой живот не предлагал себя, он требовал, напряженно, страстно, безумно. Потом так же внезапно, как ты упала в мои объятия, ты вырвалась из них и рассмеялась. Но твой смех был так же напряжен, как и твои губы.

Потом ты заговорила, но не для того, чтобы что-нибудь сказать, а просто чтобы разрядить атмосферу. Но твой голос уже не был так беззаботен, как несколько минут тому назад. Ты вдруг осознала все то, что рождалось в тебе из моих писем в течение этих двух месяцев и потихонечку росло. Мы сидели в углу твоей гостиной рядом с букетом гвоздик. И ты, ты которая еще недавно дерзко приколола эти цветы к своему платью, теперь ощутила неловкость передо мной и стала такой же пунцовой, как гвоздики.

Немного погодя вошел твой муж. Я думал, что ты смутишься еще больше, но ошибся. Никогда нельзя знать женщину, он тебя тоже не знает. Ты подошла к нему и поцеловала теми же губами, на которых еще сохранился вкус моего

вожделения к твоему телу. То же самое тело, которое только что страстно прижималось к моему, грациозно двигалось перед нами.

Видишь, я изучаю каждый твой жест, каждое слово, даже твой смех, который так изменился со времени моего первого письма. Он уже не такой легкий и беззаботный, более взволнованный, немного ломкий, будто извиняется за изменяющееся тело. Раньше он звенел, как маленький колокольчик, а теперь идет из самой твоей глубины, оттуда, где теперь объединились тысячи желаний. Настанет момент – и эта плотина прорвется…

XIV

Еще раз признаюсь в том, что совсем тебя не знаю. Иногда делаешь неосторожное движение вперед, думая, что твои желания вот-вот сбудутся. Я ошибся. Я отступаю.

Три дня назад я видел тебя, на мгновение испытавшую дикий прилив желания. Все эти три дня я помнил вкус твоих губ, я сохранял его на своих губах. Это был больше, чем поцелуй, это было объятие. Я пришел сегодня, чтобы продолжить начатое. Я не должен был этого делать. Ты уже была настороже и отобрала то, что уже дала. Думаю, что отобрала даже больше.

Я хотел тебя поцеловать. Но ты отстранила меня не испуганным и неуверенным в себе жестом, а спокойным и почти высокомерным движением. Ты заранее знала, чего я у тебя попрошу, и твердо решила мне этого не давать. А эта манера объяснять свое поведение!

– Я странная женщина, не так ли? Я никогда не обманывала своего мужа, мне даже никогда не приходила в голову такая мысль. Я могу сказать, что ничего определенного об этом не думала, хотя мое поведение по отношению к вам… или скорее отсутствие всякого поведения означает скрытое согласие, если не немедленное, то со временем. Что вы об этом думаете?

Говоря это, ты играла своей шалью.

– Ну же, соблазнитель, отвечайте!

– Я согласен, вы странная женщина. Вы еще не обманывали своего мужа. Я это знал. И я согласен с тем, что вы об этом еще и не думали. Но уверен, что бессознательно вы об этом думали уже сто раз. Это проскальзывает в мелочах, каком-то слове, воспоминании. Вы признаетесь? Имейте же мужество признаться.

– Я признаюсь.

– Не знаю, когда это происходит: в ванной, когда вы одеваетесь, или когда ваш муж овладевает вашим бесстрастным и не испытывающим удовольствия телом. Но она появляется, эта бесстыдная мысль, что вы и я, в один прекрасный день…

Я смотрел на тебя. Ты улыбалась, абсолютно уверенная в себе сегодня. А затем насмешливо обронила:

– В один прекрасный день? Может быть, ночь? Ведь свидание, которое вы у меня просите, будет ночью.

XV

Ты еще долго будешь помнить эти хождения взад и вперед. А потом, в один прекрасный день… прости, в одну прекрасную ночь, твое тело уступит. Не будем больше говорить об этом. Сильны те, кто умеет ждать.

На тебе было очень хорошенькое платье в прошлый вторник: слегка расклешенное внизу. Можно было увидеть кружево твоей комбинации, и это сильно возбуждало желание. Наверное, именно этого ты и хотела добиться. Не думал, что ты доведешь меня до этого. Может быть, я слишком напрягаю себя, сдерживая свои желания, чтобы вызвать твое? Мне это удалось? Думаю, да, потому что вчера ты мне сказала:

– Не исключено, что я вас навещу как-нибудь вечером. О, всего на несколько минут. Просто хочу доказать вам, что ничего не боюсь. При том условии,

конечно, что вы будете соблюдать правила игры.

– Игры?

– Да, не переступите той черты, которую я сама определю. И только так.

Успокойся. Правила моей игры состоят в том, чтобы ты всего хотела и добивалась сама. Ты видишь, я ничем не рискую. Я буду честен. Если мои руки коснутся тебя, значит, ты сама их позвала. Если они скользнут под твое платье и будут наслаждаться твоей нежной кожей – это тоже будет твоим желанием. Ну, что же, чего ты ждешь?

XVI

Чего ты ждешь? Я бросаю тебе вызов. Ты не придешь. Не осмелишься прийти. Не потому, что боишься меня, а потому, что боишься себя. Я ошибаюсь? Тогда принимай вызов.

XVII

Вчера я тебе позвонил. Мне не терпелось узнать твое решение. Я спросил:

– Вы придете?

И ты ответила своим прекрасным, мечтательным голосом

– Ответ в старом дубе. Что? Принимаю ли я вызов? Немного терпения. Идите на почту.

* * *

Обо мне, быть может, совершенно забыли, пока читали эти письма. Обо мне, о муже. В этом нет ничего удивительного: я сам о себе забыл, забыл кто я и где я. Я даже не заметил, как вошла служанка и положила передо мной сигареты, за которыми я ее посылал.

Я был как оглушенный. Письмо за письмом раскрывало мне план готовящейся измены, я наблюдал за тем, как Одиль незаметно для себя катится по наклонной плоскости, в конце которой она станет любовницей другого мужчины. Конечно, еще ничего не произошло, но могло произойти уже в любой момент. Чего им не хватает?

Что же касается другого, то это был не Демонжо, как я посчитал вначале. Слава Богу, это был всего лишь Лаборд! Я оказал ему столько услуг, что он совершенно естественно должен был меня ненавидеть. Последней моей услугой было то, что я помог ему избежать тюрьмы.

Я отложил в сторону то письмо, где он издевался надо мною и перечитал его.

Ваш муж считает меня мечтателем и поэтом. Он думает, что я не способен жить реальной жизнью. Но я способен на большее: воплотить мечту в реальную жизнь.

Что бы он там ни говорил, но я спас его от тюрьмы, в которую он чуть было не угодил именно из-за своей непрактичности и излишней доверчивости. Я не считал его способным на мошенничество или непорядочность. Сегодня он доказал, что способен и на то, и на другое: он собрался отобрать жену у меня, человека, которому был стольким обязан. Не было даже такого оправдания, как страсть, потому что он не любил, а только играл.

А она, она даже не возмутилась и позволила вести себя шаг за шагом к пропасти. Сначала из любопытства, потом – из желания испытать новые острые ощущения. Позволила тому, кого должна была бы с презрением выгнать. Правда, она ничего не знала, у меня нет привычки рассказывать о тех услугах, которые я кому-то оказываю. Для нее это был не всем обязанный мне человек, а просто соблазнитель, куда более опытный и искушенный, нежели другие.

Когда она читала его искусно составленные письма, в ней неизбежно должно было начать разгораться желание, до сих пор дремавшее в ее прекрасном теле. Каким-то чудом он превратил ее в абсолютно незнакомую для меня женщину. В общем, они уже обманули меня настолько, что сам факт их физической близости уже ничего бы не добавил к совершившемуся предательству. Вполне возможно, что она даже уже принадлежала ему, лежа в моих объятиях, в моей постели. А почему бы и нет? Для нее это могло стать еще одним новым острым ощущением: отдаваться мужу телом, а любовнику – воображением.

И тут я вспомнил некоторые мелочи, о которых, впрочем, не решаюсь сказать даже сейчас. Это должно быть началось около недели тому назад. Я овладел ею… Я уже говорил, что она не была страстной женщиной, плотские утехи и удовольствия ее мало занимали. Но в тот раз в моих объятиях была совершенно другая женщина. Да, это была совершенно иная Одиль, которая обвивала меня руками и ногами, прижималась трепещущим телом ко мне, так, что я ощущал каждую его клеточку, глаза ее были закрыты, рот – искажен наслаждением, которое она, безусловно, испытала… Когда она очнулась после короткого забытья и открыла глаза, она сначала словно и не узнала меня, а потом разочарованно прошептала:

– А, это ты…

Я же рассмеялся: моя гордость самца была удовлетворена. Подумать только: я смог довести женщину до такого экстаза! Я! Мое самодовольство помешало мне насторожиться при таком внезапном изменении доселе бесстрастной женщины. Каким же дураком я был! Она отдавалась не мне, а другому, после прочтения неизвестно какого по счету письма.

Три дня спустя мне снова захотелось заняться с ней любовью, но она резко отказалась, сославшись на внезапный приступ сильной мигрени. На следующий день она уступила, но уступила лишь из чувства долга, и все было так, как происходило у нас обычно. Неужели так теперь будет всегда?

И что мне теперь делать? Швырнуть ей в лицо эти письма, как только она вернется домой? Насладиться ее замешательством? Спросить:

– Ну, так что мы скажем твоему соблазнителю? Что твой тридцать седьмой размер в его распоряжении? Подойдет ему это?

А потом? Вместе с ней кинуться к Лаборду?

Да, я должен был все тщательно обдумать. Может, это действительно будет лучшим способом вернуть себе жену? Но мгновение спустя я понял, что это будет также и лучшим способом потерять другую, ту, которую познал однажды неделю тому назад, и которую не смогу уже забыть. И я принял другое, самое невероятное решение, которое можно считать даже безумным. Плевать! К тому же здесь я выступаю не в качестве адвоката, а лишь как рассказчик.

В моей жене было две женщины: благоразумная и безумная, одна, которую я хорошо знал, и другая, о которой я не знал ничего, кроме того часа наслаждения, который она подарила мне по ошибке. И именно эта чувственная незнакомка была для меня важнее и нужнее первой. Помимо моей воли меня влекло к ней какое-то нездоровое любопытство, возникшее во время чтения этих проклятых писем. Да, к этому любопытству примешивались бешенство, ревность, отвращение, но главным было все-таки оно. Именно желание удовлетворить это любопытство подсказало мне мой безумный план. И прежде всего, необходимо было набраться терпения и подождать.

Мне трудно объяснить свои поступки. Я не знал, чего я хочу. Мне было ясно только, что я хотел сохранить для себя обеих женщин: чтобы благоразумная оставалась прежней, а безумная принадлежала только мне. И подумать только, я всегда считал себя человеком, лишенным воображения! Как же плохо, оказывается, мы сами себя знаем.

Я сложил письма в прежнем порядке и положил их на прежнее место в секретер. В тот момент все еще могло повернуться иначе, но тогда я никогда бы не испытал тех чудесных и ужасных часов наслаждения, этих отравленных и великолепных часов взаимного рабства наших тел. Тех часов, от наваждения которых я до сих пор не могу избавиться, поэтому и пишу все это, а вовсе не из стремления исповедоваться. Я надеюсь, что наваждение останется на этих страницах: тело этой женщины, ласки этой женщины, ее дерзость, ее крики наслаждения – все. Я опущусь в самые глубины своего сознания и вырву оттуда эту заразу, как вынимают глубоко засевшую занозу. А когда освобожусь…

Я пошел в парк и машинально направился к беседке. По дороге мне все стало ясно. Когда я оказался там, я уже знал, что и как нужно сделать, причем мне очень помогла в этом моя профессия инженера.

Вы уже знаете, что закрытая беседка была приподнята над землею на четыре ступеньки. По-видимому, прежние владельцы приходили сюда почитать или помечтать, любуясь великолепными видами: на парк и на лес. Беседка стояла на четырех цементных столбах, под которые вполне можно было проникнуть и оказаться под полом самой комнаты.

Я поднялся по лестнице и вошел в беседку. Лаборд дал очень точное описание комнаты: два окна, стол и железный стул. Крыша, по-видимому, протекала, так как в трех местах пол сильно прогнил от сырости.

Я вышел. Недалеко от беседки был сарайчик, куда слуги складывали инструменты. Я взял мотыгу и вернулся. Гнилая доска у одной из стен подалась после первых двух ударов. Случайно ступить в образовавшуюся дыру было невозможно и я замаскировал ее каким-то старым тряпьем. Сквозь получившееся небольшое отверстие, размером со слуховое оконце, я мог наблюдать снизу за тем, что происходит в комнате наверху, а также все слышать…

Над столом висела электрическая лампа в стеклянном плафоне. Я обрезал провод и таким образом лишил комнату искусственного освещения. Потом вернулся домой и заперся в кабинете. На письменном столе стоял портрет Одиль, удивительно удачно увеличенное изображение в профиль, причем выражение лица было такое, будто она предлагала мне себя. До сегодняшнего дня я не замечал на этом портрете ничего подобного.

Я пробыл в кабинете до ужина, не сводя глаз с изображения женщины, которая уже больше не была моей. Никому не желаю испытать того смешанного чувства ненависти, отвращения, желания и ревности, которое буквально раздирало мою душу в тот вечер. Мгновениями я будто бы приходил в себя, но тут же понимал, что все напрасно, и что больше я уже никогда не стану прежним. Мой темперамент, мой характер, мое происхождение, наконец – все исчезло, все заменилось какой-то первобытной чувственной яростью и похотью. Я мог думать только об Одиль: о ее ногах, бедрах, грудях, губах.

Мне трижды звонили, пока я сидел в кабинете перед портретом. Я перенес все дела на следующий день, сославшись на какой-то незначительный предлог. Наконец, ужин собрал нас всех вместе.

Одиль показалась мне веселой и оживленной, она подтрунивала над моей рассеянностью, моим молчанием и мрачным видом:

– Что, каучуковая компания уже почти дошла до банкротства?

Я пытался смеяться вместе с ней, но должно быть мой смех показался ей натянутым. Мысль о том, что этим вечером она, может быть, пойдет на свидание с Лабордом в беседку, вселяла в меня одновременно и отвратительное бешенство, и какое-то нездоровое любопытство. В конце концов, бешенство взяло верх, и я предложил ей поехать в Париж, чтобы сходить в кино. Таким образом я был уверен в том, что весь вечер она будет при мне.

– В кино? Разумеется, если тебе хочется. Но только с одним условием: фильм должен быть веселым. Тебе необходимо рассеяться, бедный мальчик.

И в этот момент ее позвали к телефону. Она вышла из комнаты своей ровной и грациозной походкой, я проводил ее взглядом до дверей и заметил, что в ее манере держаться что-то неуловимо изменилось. Хотя, возможно, мне это только показалось, я уже давно не присматривался к ней. Или она действительно была сегодня другой, или это я смотрел на нее другими глазами.

Когда я поднял голову, она уже вернулась. Ее отсутствие длилось лишь несколько мгновений, ровно столько, сколько нужно, чтобы дойти до телефона, выслушать несколько слов, сказать несколько в ответ и вернуться. Она молча села напротив меня и я заметил, что радостное выражение, которое было до этого на ее лице, бесследно исчезло, как будто его стерли резинкой. Я был уверен, что эта перемена произошла из-за моего соперника.

– Кто это звонил?

Я спросил это самым безразличным тоном и ее ответ прозвучал так же равнодушно:

– О, пустяки. Это был Лаборд, который не знает, как убить время этим вечером. Он спрашивал, не собираемся ли мы сегодня поиграть в бридж. Я попросила его позвонить завтра, потому что сегодня мы собираемся в кино.

Поймите меня, я был счастлив этой отсрочке, которая к тому же показала мне, что Одиль была менее отравлена этими проклятыми письмами, чем я думал. Да, я был счастлив, но одновременно и разочарован. Это труднее объяснить. Но мне вдруг показалось, что эта отсрочка навсегда отсрочит выполнение моего плана и лишит меня возможности отомстить. В действительности я меньше думал о мести, чем о возможности узнать эту женщину, которую, оказывается, до сих пор так и не узнал за семь лет супружеской жизни.

После кофе она погрузилась в изучение киножурнала, потом вдруг подняла голову и подавила зевок.

– Тебе очень хочется поехать?

Я вопросительно посмотрел на нее, мое сердце бешено колотилось. Я уже знал, что она собирается мне сказать дальше.

– Я вдруг почувствовала себя такой уставшей после целого дня беготни по магазинам. Но если тебе очень хочется…

Не отвечая, я начал медленно расхаживать по комнате. После долгих колебаний я сказал себе:

«Отвези ее в Париж – и она тебя возненавидит. Оставь ее – и она тебе изменит.»

И я решился.

– Ничего страшного. Я как раз не успел еще разобрать всю сегодняшнюю почту, так что именно этим и займусь сегодня вечером в кабинете.

Я подошел к столику, на котором стояла моя чашка с кофе, молча выпил и так же молча пошел к двери. Только там я обернулся и тут же заколебался: правильно ли я поступаю, позволяя событиям по-прежнему развиваться.

– Хочешь, я побуду с тобой еще немного?

Она покачала головой.

– Нет, я пройдусь по парку и постараюсь оставить там свою мигрень. Я не прошу тебя меня сопровождать, ты не любишь такие прогулки. А потом я пойду и лягу спать.

Говоря это, она подошла к двери, около которой я стоял и протянула мне губы.

– Поцелуй меня, – сказала она просто.

У меня сорвалась горькая реплика:

– Ты хочешь попросить за что-то прощения?

– Прощения? Что за нелепая мысль!

И она широко раскрыла абсолютно искренние глаза. Да, Лаборд был прав: женщины, как кошки, всегда падают на четыре лапы.

Ее поднятое ко мне по-детски чистое лицо, казалось, говорило:

«Что, разве я не права?»

Я поцеловал ее, хотя мне пришлось приложить огромное усилие, чтобы скрыть бешенство и ненависть, побуждавшие меня дать ей пощечину.

– Ты права. Когда мне приходится работать по вечерам, я никогда точно не знаю, сколько времени у меня это займет. До завтра, спокойной ночи.

Стемнело. Я поднялся на второй этаж в кабинет и зажег там свет. Окно кабинета выходило в парк, и Одиль будет уверена, что я работаю.

Я оставил дверь приоткрытой, чтобы слышать то, что происходит в доме. Вскоре я услышал шаги Одиль, которая поднималась в спальню, по-видимому, чтобы взять шаль. Тогда, запарев дверь кабинета на ключ, я тихо спустился по лестнице и выскользнул в парк. Где-то в двухстах метрах от меня Лаборд должен был поджидать прихода своей соучастницы. Я сделал большой крюк, чтобы подойти к беседке с той стороны, где не было ни окон, ни двери, сократив таким образом риск быть захваченным врасплох и все испортить до минимума. Я

медленно шел в темноте, стараясь не производить никакого шума.

Вскоре я услышал шаги вдалеке и меня обожгло чувство ревности. Я остановился и прислушался: по звуку шагов я пытался определить уверенно ли Одиль идет на свидание, или все-таки колеблется, легка ли ее поступь, или нет. С жестокой ясностью я хотел проникнуть в самые интимные подробности происходившего.

Я стер пот, заливавший мне лоб. Мне показалось, что шаги колеблются, потом они ускорились, как если бы Одиль решилась покончить с неопределенностью. Я тоже приблизился к беседке, причем последние метры преодолевал уже ползком. Тихонько раздвинув окружавшие ее кусты и согнувшись, я пробрался к тому месту под полом беседки, которое для себя приготовил. Моя рука нащупала отверстие, которое я проделал несколько часов тому назад. И я отодвинул тряпки, которые могли бы помешать мне все услышать. Каких бы мучений мне это ни стоило, я не хотел упустить ни малейших подробностей этой встречи.

Именно в этот момент Одиль поднялась на первую ступеньку. Колебалась ли она? Боялась ли? Я не мог ее разглядеть, хотя она была в двух шагах от меня, настолько полной была темнота. Но я чувствовал, что она дрожит и тяжело дышит. Наконец, она едва слышно прошептала:

– Вы здесь?

Ответ пронзил меня насквозь, словно раскаленный железный стержень:

– Вы подумали, что я мог не прийти?

Одиль медленно поднялась по ступенькам и вошла в беседку почти над моей головой. По ее шагам я мог не только определить место, где она находится в каждую секунду, но и догадаться о ее чувствах: тревожном ожидании и страхе перед неизвестностью. Она ставила ногу с большой осторожностью и замирала на несколько секунд перед следующим шагом. Я представил себе, как она вытянула руки вперед, словно при игре в жмурки. Но тут шла куда более опасная игра.

– Где вы? – тихо спросила она.

Мне показалось, что ее голос дрожит. Тело, без сомнения, тоже было охвачено дрожью. Ах, как же умело этот мерзавец сумел разбудить в ней самые потаенные чувства, вдохнуть в нее новую жизнь! Он был где-то здесь, в этой абсолютно темной комнате, притаился, затаив дыхание. Когда она окажется возле него, он запустит руки под ее платье и она рухнет в его объятия с дрожащими ногами и влажным от желания животом. А может быть, она ходила в спальню для того, чтобы сбросить с себя тонкие трусики и отдаться ему мгновенно, после первой же ласки, чтобы одежда не стесняла ее? Эта мысль причинила мне просто физическую боль, я скорчился от невыносимой ревности. И все это происходило в тишине, которую нарушали лишь редкие, неуверенные шаги Одиль, и скрип пола под ее ногами.

Ее голос нарушил невыносимую тревогу ее (да и моего тоже) ожидания:

– Так где же вы? Мне почти страшно!

Она дошла до конца комнаты и теперь возвращалась обратно вдоль стены.

– Я признаю, что проиграла. Я даю залог…

Она издала приглушенный крик, шедший из самых потаенных глубин, который тут же перешел в глухой, почти жалобный стон. Должно быть, он схватил ее, когда она проходила мимо, и запустил руки под платье, чтобы сразу добраться до самого интимного места, и теперь я уже не буду единственным мужчиной, который его ласкает.

Мне кажется, в тот момент я был на волоске от того, чтобы выскочить из своего укрытия и избить их обоих. И лучше бы я именно так и поступил. Я испытывал невыносимые мучения, моя голова гудела, как колокол. Я представлял себе руку другого, скользящую по волоскам внизу живота Одиль, ласкающую ее бедра, пытающуюся проникнуть как можно глубже, а до меня доносились обрывки фраз, прерываемые вздохами:

– Нет, не сегодня вечером… Мы же договорились о правилах… Впрочем, вы не сможете…

Это длилось пять или десять секунд, которые показались мне вечностью. Наконец она сделала резкое движение, я услышал несколько шагов, ее шагов. Должно быть, она опомнилась. Вскоре послышался голос Лаборда:

– Успокойтесь. Я совершенно не намерен овладеть вами. Я подожду, пока вы сами себя мне предложите, по собственному желанию. Моя рук оставила убежище под вашим платьем. Больше я вас не трону.

Он подошел к ней.

– Признайтесь, однако, что вам было страшно. Вы боялись и меня, и себя, потому что…

Он засмеялся.

– Обычно женщины ограничиваются тончайшей паутинкой трусиков, а вы надели. Как я успел заметить, не меньше трех пар. Чтобы скрыть деликатный рельеф или чтобы помешать моей руке добраться до вас? И каждая пара плотнее и теснее другой?

Она тоже начала смеяться, но ее смех был явно деланным. Должно быть, она покраснела.

– Это инквизиция! Я пожалуюсь мужу…

– Ба! Он отныне так мало значит…

Мои ногти непроизвольно глубоко впились в ладони.

– Признайтесь, что ощущения, которые вы испытали сегодня вечером, очень приятны и неожиданны. Я здесь, притаившись, ждал, когда вы окажетесь рядом со мной. Вы приближаетесь, ваши нервы напряжены, вы почти готовы закричать. Вдруг мои руки протянулись к вам, вы стиснули ноги, но было уже поздно. Я уже проник туда, куда хотел. Начнем снова?

На сей раз ей удалось замаскировать свое волнение насмешкой:

– Найдите мне лучше этот единственный в комнате стул. У меня ноги подкашиваются. Ну и воображение у вас!

– Это упрек?

– Нет, раз я все еще здесь. Видите, я говорю совершенно безумные вещи. Вы знаете, что лишили моего мужа развлечения? Мы собирались в кино…

– И тут позвонил я. Вы сожалеете об этом?

Она уклонилась от ответа.

– Я сказала ему, что вы звонили по поводу бриджа, и что я пригласила вас на завтра…

– Это помешает нам возобновить все завтра вечером. Жаль!

– Я же не могу ссылаться каждый вечер на мигрень, чтобы никуда с ним не ходить и добиваться одиноких прогулок в парке. Впрочем, я подумаю, прежде чем что-то возобновлять.

– Угрызения совести?

– Возможно.

– Простите. Обычно угрызения совести бывают после.

– Договоримся сразу. что я не такая, как другие, потому что у меня они – до.

Она сделалась серьезной.

– И подумать только, что у нас нет даже такого оправдания, как любовь! Мы не любим друг друга, вы сами много раз мне это говорили. Вы меня не любите, я тоже вас не люблю. Тогда все это только ради того, чтобы…

Я должен был напрячь слух, таким тихим стал ее голос.

– Я не узнаю себя. Все, что я думала об этом раньше, рухнуло. Я никогда не подумала бы, читая ваше первое письмо, что приду к этому так быстро.

Она сделала попытку засмеяться.

– Должно быть, во мне есть другая женщина. И это именно она пришла сюда сегодня вечером.

– Конечно, она. А поскольку она здесь, могу ли я попросить у нее залог прихода на следующее свидание?

– Продолжайте. Она потом посмотрит. О чем идет речь?

– Собственно говоря, это не один залог, а два или даже три…

– Три! Бог мой!

Она снова засмеялась, но в ее смехе явно сквозило нетерпение.

– Похоже, вы предпочитаете все делать сериями. Что ж, я вас слушаю…

– Так вот. Я хотел бы знать, то есть услышать непосредственно от вас, могу ли я воображать ваш… Ну, тот самый размер: 34, 35, 36 и так далее.

Наступило молчание.

– Вы в затруднении?

– Признайтесь, вопрос не из легких. Вы рядом со мной, одна ваша рука у меня на плече, другая – перебирает мои волосы. И еще хотите, чтобы я…

– О, я ведь прошу такой безделицы! Просто новой пищи для моего воображения, когда вы уйдете.

Она явно заколебалась.

– Ну, хорошо. Чтобы не мучить ваше воображение я постараюсь обойтись без всяких оговорок и обходных путей, и скажу, что вы можете воображать себе 34—35. Это вас устраивает.

– Это великолепно!

– Очень рада, потому что в данный момент больше ничего вам не могу предложить, дорогой сударь.

Она снова говорила насмешливым тоном, который всегда был для нее лучшей защитой.

– А второй задаток?

– Встаньте.

Она подчинилась.

– Я хотел бы сейчас встать перед вами на колени.

– Разрешаю вам это.

– А теперь я хотел бы поцеловать вашу ножку там, где кончается чулок.

– О, я думаю, что это будет очень неосмотрительно.

– Ба! Вы так надежно закутаны, а ваши ножки словно заперты на замок. Кто бы мог заставить их раздвинуться?

Я услышал шелест ткани и представил себе, как он прижимается губами к нежной коже ее ноги выше колена. Мне послышался даже что-то вроде глухого, жалобного стона.

– Хватит, – сказала она наконец прерывающимся голосом. – К тому же мне пора возвращаться.

– А третий задаток?

– Нет! Не хочу даже говорить об этом. Не хочу даже ничего о нем знать.

Она сделала несколько шагов по направлению к двери.

– Вы уже уходите?

– Да, мой муж может начать беспокоиться и отправиться за мной в парк. Кстати, а как вы в него попали?

– Перелез через решетку, другого способа не было. Не беспокойтесь, меня никто не видел. Кстати, вы могли бы мне завтра, во время игры в бридж, дать мне ключ от калитки?

Она явно заколебалась.

– Там видно будет. И не забудьте, когда придете, положить в старый дуб письмо. Мне интересны ваши впечатления, после того, как вы их обдумаете.

– Обещаю.

Она уже спускалась по лестнице, когда он бросил ей вслед:

– А пока вот вам все-таки третий задаток: у вас бархатная кожа, моя дорогая. Так что я его уже получил.

Я услышал удаляющиеся неторопливые шаги Одиль, которые вскоре замерли в темноте. Леборд закурил сигарету и тоже удалился. Я остался один.

Я вернулся домой и оказался в своем кабинете как раз в тот момент, когда часы пробили десять. Утром в это время я еще ничего не подозревал. Как все изменилось всего за двенадцать часов! Мне не терпелось увидеть Одиль, ее лицо, поэтому я погасил свет в кабинете, как если бы закончил работу, и пошел в спальню.

Одиль была в ванной комнате, куда я вошел без стука. Она чуть не вскрикнула от испуга, как мне показалось. Я же сделал удивленное лицо и спросил:

– Как? Еще не в постели?

– Готовлюсь туда отправиться.

Кошка опять упала на все четыре лапы.

Сидя пред зеркалом, Одиль сосредоточенно стирала с лица косметику, чтобы наложить ночной крем. Она массировала лоб, щеки, шею круговыми движениями кончиков пальцев и, глядя на нее, всецело поглощенную этим пустячным занятием, невозможно было представить себе, что всего полчаса тому назад она была на волосок от близости с другим мужчиной. Разве что глаза у нее чуть-чуть ввалились.

– У тебя усталый вид, – заметил я небрежно.

Она резко повернулась ко мне, но тут же взяла себя в руки и скрыла раздражение.

– Ничего удивительного. При такой мигрени…

– Свежий воздух совсем не помог?

– Ни капельки.

Она стянула платье через голову, а я сел на табурет и молча наблюдал за тем, как она раздевается. Это было мое законное право мужа. Одиль сняла комбинацию и осталась только в чулках с поясом и кружевном бюстгальтере. Трусиков на ней уже не было, что меня даже не удивило. Они кучкой лежали на краю ванны: по-видимому, она сняла их в первую же минуту после возвращения. Их действительно было три пары: из белого трикотажа и розового и голубого шелка. Как бы в рассеянности я сжал в руке эти интимные кусочки ткани. Мне показалось, или они действительно были влажными от неудовлетворенного желания? Пусть меня простят за это перечисление бесстыдных и порочных деталей.

Вскоре Одиль вышла из ванной и я последовал за ней в спальню.

– Ты уже ложишься? – спросила она.

Без сомнения она хотела остаться одна, чтобы помечтать о своем приключении. Впрочем, мне совершенно не хотелось спать, что было совершенно естественно. Я оставил Одиль и заперся в кабинете на ключ и занялся довольно странным занятием. Я скрупулезно восстановил в памяти все то, что говорил Лаборд, а потом начал все это повторять, как прилежный ученик.

Зачем? Пожалуй, пришло время рассказать о моем плане мщения. Прежде всего я, разумеется, как и любой муж, не хотел стать рогоносцем. Во-вторых я хотел отомстить, но отомстить изощренно. Я хотел удалить Лаборда, прийти на свидание вместо него и ласкать Одиль так, как это делал он, пока она сама не отдастся мне. А там – будь что будет. Конечно, это безумие и извращение, но в этом была какая-то особенная притягательность.

Передо мной была новая женщина, которую я совершенно не знал. Я знал ее совсем другой – бесчувственной и холодной. Другая появилась только потому, что появился другой мужчина. Единственным способом узнать эту новую женщину было занять место этого мужчины. Как только она будет моей, мое желание и любопытство будут удовлетворены, я перейду ко второй части своего плана мести. Взять эту Одиль номер два, наслаждаться с нею, насытиться ее сладострастием, а потом, прежде чем она придет в себя, а мои руки будут еще ласкать самые потаенные местечки ее тела, сбросить с себя маску и заставить Одиль корчиться от стыда.

Что нужно, чтобы добиться этого? Пишущая машинка с характерными дефектами двух литер и голос Лаборда, который я должен был имитировать. Во время учебы в лицее я довольно успешно копировал голоса преподавателей и одноклассников, причем старательно совершенствовался в этом занятии. Мог ли я себе представить, что в один прекрасный день…

С ученическим прилежанием, усиленным чувством бешенства, я повторял слова, услышанные полчаса тому назад десятки раз подряд, стараясь как можно более точно передать особенности голоса и интонации своего соперника. Чего мне это стоило, Бог мой! Но ради того, чтобы отомстить…

– У вас бархатная кожа… Нет, я и не думаю овладеть вами… Я подожду, пока ваше собственное желание… Признайтесь, что ощущение приятное… Я бы хотел поцеловать вашу ножку там, где кончается чулок… Ничего страшного, поскольку вы так закутаны…

Ах! Отравленные слова! Мне нужна была передышка, я больше не мог так себя мучить. Но спустя несколько минут я снова принялся за работу с почти смертельным упорством.

– У вас бархатная кожа… Я хотел бы услышать от вас про этот размер… Чтобы потом, когда вы уйдете, воображать себе…

Когда я вернулся в спальню, Одиль уже спала на своей кровати рядом с моей. Какое-то время я смотрел, как мерно дышит ее грудь под светлой пижамой. Она глубоко вздохнула и по всему ее телу пробежала дрожь. Я погасил лампу у изголовья и предоставил Одиль ее сладострастным снам.

Я не видел ее за завтраком, так как встал раньше обычного. Да мне и не хотелось ее видеть. Как только я проснулся, события предыдущего дня всплыли в моей памяти с жестокой ясностью и меня словно ударили ледяным полотенцем по лицу. Я отправился в Париж на улицу Комартэн. Совершенно не помню, что я делал в то утро, кроме одной незначительной подробности. Возможно, именно из-за своей незначительности она и врезалась мне в память.

На улице я увидел незнакомую девушку, проходившую мимо газетного киоска, возле которого я как раз остановился. Девушка улыбалась чьему-то появлению, какому-то молодому человеку, возможно, своему жениху, и улыбка на ее свежем лице была чистой, как заря. Одиль тоже так улыбалась. Как и эта девушка она вошла в жизнь, принимая ее с доверием и надеждой. Но однажды в самой глубине ее существа пробудились странные, до тех пор дремавшие силы и желания. Пробудились по воле колдуна, который сделал ее другой, порочной, женщиной. И мне захотелось сказать незнакомой девушке: «Будь осторожна! Тебе станут говорить о волнующих ощущениях, редких ощущениях, запретных ощущениях, которые не может дать муж, но которые необходимо испытать. Не поддавайся на эту приманку. Это яд.»

Наверное, я что-то действительно произнес вслух, потому что девушка посмотрела на меня странными глазами, приняв, вероятно, за сумасшедшего.

Но я действительно сошел с ума, если захотел сделать своей любовницей собственную жену. Я поступил бы разумнее, ревниво оберегая ее.

В час дня я вернулся домой и внезапно предложил Одиль отправиться в путешествие в Арьеж, где у нас было имение, полученное Одиль в приданное. С тех пор, как мы поженились, мы ездили туда только три раза, хотя постоянно обещали друг другу бывать там почаще. Это были те обещания, которые обычно не выполняются: последний раз мы были там года три тому назад.

– В Арьеж! – воскликнула Одиль, даже не дав мне закончить. – Что за странная идея?

Ее рука так резко дернулась, что она опрокинула бокал.

– Какая же я идиотка! Нельзя быть такой неловкой.

Пока она промокала салфеткой пятно от вина на скатерти, я исподтишка наблюдал за ней. Неловкость, в которой она себя обвинила, была на самом деле страхом. Она испугалась того, что ей придется расстаться с Лабордом в самом начале их рискованного опыта. Я был в этом абсолютно убежден, хотя мог и заблуждаться. В ситуации, в которой мы оказались, я был склонен даже в самых незначительных вещах видеть смысл, существовавший, скорее всего, только в моем воспаленном воображении. Это к тому же мешало мне здраво оценивать и анализировать факты. Одиль отказывалась от этой поездки и тогда, когда еще не знала Лаборда. Она и раньше опрокидывала бокалы. Но сегодня вечером Лаборд положит письмо в дупло старого дуба, а моя жена пойдет за ним позднее или завтра утром. За письмом, в котором будет описано первое свидание и будет готовиться второе.

Бокал слегка треснул, хотя и не разбился.

– Белый бокал, – заметила Одиль, и голос ее тоже прозвучал как-то надтреснуто. – Это к счастью.

Я ничего не ответил.

После обеда я снова уехал в Париж и отправился к тому торговцу мебелью, у которого мы в свое время купили секретер для Одиль. Сказал, что потерял ключ, и без особого труда получил дубликат. Теперь я мог следить за развитием авантюры и по письмам тоже.

Незадолго до шести часов вечера я зашел на завод и вызвал к себе Демонжо. Это был очень хороший инженер, которому я полностью доверял, и теперь сердился на себя за глупые вчерашние подозрения в его адрес. Как ни странно, но, читая письма, я испытывал еще и облегчение от того, что соблазнителем оказался другой человек.

Когда он пришел, я сказал ему:

– Я тебя приглашаю пообедать у нас. Жена хочет сегодня вечером поиграть в бридж.

– Хорошо, патрон. Но сначала…

Он провел меня по всему заводу, в деталях объясняя мне некоторые улучшения, которые он намеревался ввести в производство одного из наших самых важных изделий. Я слушал его, но так рассеянно, что он это заметил.

– Что-нибудь случилось, патрон? Вчера ты был так воодушевлен моим проектом, собирался детально поговорить о нем сегодня. А вместо этого…

Я только жалко улыбнулся в ответ. Мое воодушевление, мое спокойствие были у меня отняты вместе с моим счастьем. Отныне моя жизнь превратилась в кошмар, где были только мучения. Кроме того, меня мучила безумная ревность, и я знал, что не найду покоя, пока не возьму реванш.

Я зашел в контору завода, подписал несколько бумаг и мы отправились ко мне через лес и парк. Проходя мимо старого дуба, Демонжо вдруг сказал:

– Его надо спилить.

Я вздрогнул. Неужели он тоже заметил проделки Одиль и теперь предлагает мне уничтожить этот почтовый ящик?

– Зачем?

– Да оно насквозь прогнило, это дерево, того и гляди рухнет и придавит кого-нибудь.

Нет, он ничего не знал, иначе не говорил бы с таким легкомысленным безразличием. Я заставил себя рассмеяться:

– Ба! Дадим ему еще несколько месяцев жизни. Оно еще не выполнило свое предназначение до конца.

Теперь пришла его очередь удивляться.

– Ты говоришь какие-то странные вещи…

– Странные?

– Ты словно ждешь от этого дерева какой-то услуги.

Мог ли я сказать ему, чего на самом деле жду от старого дуба? Вот-вот Лаборд положит в его дупло свое очередное послание. Поздно вечером или рано утром моя жена придет за ним, а чуть позже я найду это письмо в ее секретере. Отныне нас троих затянули колеса безжалостного механизма моего плана мести. Меня могли спасти либо желание Одиль освободиться от наваждения, либо смерть Лаборда.

Его смерть! Я думаю, что если бы в тот момент, когда мысль об этом пришла мне в голову, я мог бы нажатием какой-то кнопки оборвать жизнь Лаборда, я бы это сделал. Но уже в следующую минуту прежние чувства – ненависть и жажда мести – вытеснили эту мысль у меня из головы. К тому же я слишком хотел узнать другую Одиль, а для этого существовало только одно средство – Лаборд, который день за днем кропотливо вызывал в ней новые желания, лепил новую женщину…

Одиль, должно быть, заметила нас из окна, так как вышла нам навстречу. Ничто в ее поведении не выдавало ожидания появления ее полу-любовника. Никто ничего бы не заподозрил. Как всегда она была одета так, что выглядела

грациозно, юно и соблазнительно, привлекая внимание мужчин. Она была прекрасна – эта блондинка с огромными зелеными глазами и нежным лицом. Однако, рот не был чувственным, губы были не слишком тонкие и не слишком пухлые, обычные, изящные, розовые губы молодой женщины. Вот до чего я дошел: я изучал собственную жену, словно совершенно незнакомую женщину. Но ведь она действительно оказалась для меня незнакомкой.

Мы отправились в гостиную. Одиль весело болтала с Демонжо, а я разглядывал ее лицо, ее профиль и думал: эта – моя, вот эта – немного другая, а что же касается вот этой…

Мы сели ужинать. Одиль была восхитительна, но в этом была большая заслуга Демонжо, веселое оживление которого компенсировало мою задумчивость. Иногда я делал над собой усилие и вставлял несколько слов в их разговор, но больше слушал. Сплетни, кино, литература, театр философия – они непринужденно переходили от одной темы к другой, не задерживаясь подолгу ни на одной из них. Почему они начали говорить о верности? Не знаю. Но эта тема была затронута, причем говорили они в прежней шутливой манере.

– Я, например, – смеясь заявил Демонжо, – придерживаюсь мнения Ларошфуко: большинство порядочных женщин – это скрытые сокровища, которые остаются в безопасности лишь потому, что их не ищут.

– Что означает, – подхватила моя жена, – что как только их начнут искать…

– Их найдут. Исключения, по мнению Ларошфуко, бывают крайне редко.

Одиль засмеялась:

– Я как раз такое исключение.

Она повернулась ко мне и спросила:

– А что думает об этом мой муж?

Я не мог уклониться от ответа:

– Ба! Главное, чтобы ты была таким исключением.

Я заметил, что бессознательно гневно комкаю в руках салфетку.

– Если хотите знать мое мнение, – сказала Одиль, – ваш Ларошфуко был обманут одной или несколькими женщинами и пытался, бедняга, отомстить.

Одиль снова посмотрела на меня ясным взглядом и спросила:

– А что бы ты сделал, если бы я тебе изменила?

Признаться, я был ошеломлен таким проявлением дерзости с ее стороны. Она же по-ребячески надула губы и продолжила:

– Ты бы меня убил?

Демонжо расхохотался:

– По-моему, есть более элегантное решение проблемы.

– И какое же?

– Взять в любовники женатого мужчину, чтобы ваш супруг мог утешаться с женой соблазнителя.

К этому времени я уже достаточно ожесточился и вмешался в их спор:

– При условии, что она будет так же хороша, как Одиль, что очень ограничивает мои шансы на достойную компенсацию.

Комплимент явно доставил ей удовольствие, она пожала мне руку и сказала:

– Спасибо, дорогой. Но… если бы это был холостяк?

Она продолжала свою рискованную игру. Я пожал плечами:

– Что ж! Тогда компенсация вообще оказалась бы невозможна.

Наши взгляды встретились. В этой игре была какая-то извращенная прелесть: никто, казалось, не подозревал, что мы обсуждаем реальную ситуацию. Одиль думала, что мне ничего неизвестно, Демонжо вообще ни о чем не знал. И только один я…

– Тогда нужно найти что-то другое, – продолжил я как можно непринужденнее. – Что? Я не знаю. Но только это «что-то» должно быть оригинальным и исключительным. И достойным красоты Одиль.

Кажется, я вложил в свои слова куда больше уверенности, чем следовало бы. Какое-то время она молчала, а потом, вооружившись своей насмешливостью, этим самым ее надежным оружием даже против домогательств Лаборда, сказала:

– Знаешь, ты просто провоцируешь меня на то, чтобы я тебе изменила.

Она почти тотчас же встала из-за стола и мы покинули столовую. Одиль нежно обнимала меня, прижимаясь ко мне как бы в забывчивости. Любила ли она меня? Вопрос совершенно риторический, потому что истина одна: огромное большинство женщин придают физическому акту такое значение, действуют в нем так самозабвенно, что все это просто невозможно без любви. Но для Одиль это исключалось, поскольку одним из условий ее поединка с Лабордом было отсутствие чувства. «Я вас не люблю и вы меня не любите», – прочел я в самом первом письме, с которого началась вся эта авантюра.

Мы сели в гостиной.

– Хотите сыграть в шахматы, господа, пока мы ждем гостей? – весело спросила Одиль.

Даже не дожидаясь ответа, она положила перед нами шахматную доску. Конечно, она хотела развязать себе на какое-то время руки, чтобы без помех поговорить с Лабордом…

Она оставила нас на несколько минут, чтобы освежить макияж и вернулась уже вместе с первым гостем. Это был ее дядя, безобидный маньяк, который коллекционировал оружие: от пещерных времен до Средневековья, от кремневых ружей до аркебуз, дальше его интересы не простирались.

Лаборд пришел последним. Моя жена поднялась ему навстречу и они пожали друг другу руки, сказав при этом несколько слов, которые мне даже не нужно было слышать, чтобы догадаться о главном: письмо ждало Одиль в обычном месте.

Потом Лаборд небрежно засунул руки в карманы пиджака. У меня не было уверенности, но было подозрение, что в одной руке он при этом сжимал что-то небольшое: ключ от калитки, надо полагать. Наконец, он направился ко мне, находя по пути любезные слова для каждого гостя. Мне понадобилось огромное усилие воли, чтобы не дать вырваться наружу той буре чувств, которая поднялась во мне, как только я его увидел. Мне хотелось схватить его за горло, задушить, затоптать насмерть. Не знаю, каким чудом мне удалось остаться внешне спокойным.

Уже организовывался бридж. Нас было девять человек, достаточно игроков для двух столов, причем один человек оставался лишним. Я как раз и рассчитывал быть этим человеком и не играть. Демонжо я пригласил вовсе не для того, чтобы не оставаться наедине с Одиль во время ужина, а для того, чтобы он занял мое место за карточным столом. Я же, таким образом, получал на весь вечер полную свободу маневра: я чувствовал, что у меня не хватит терпения дождаться, пока новое письмо окажется в секретере Одиль. Я должен был прочитать это письмо немедленно, сегодня же, пока они будут заняты игрой. Прочитать и положить на место. Для всего этого мне потребовалось бы всего несколько минут, а такое короткое отсутствие вряд ли кто-нибудь заметит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/bestuzheva-lada_svetlana/zlaya-lyubov

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить